

**МИР ЖИВОЙ ПРИРОДЫ
В МЕТАФОРИЧЕСКОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ КОНЦЕПТА «СТРАХ»
(на материале поэзии Б. Пастернака и В. Брюсова)**

В поэзии Б. Пастернака и В. Брюсова значимость категорий «внутреннее» и «одушевленное» подтверждается многообразием метафорических представлений концепта «Страх». Ученые, изучая концептуализацию страха, отмечают его универсальность [1, с. 9] и относят страх к первичным эмоциям, которые «предполагают не только интеллектуальную оценку какого-то положения вещей как плохого или хорошего для субъекта, сколько непосредственное ощущение, что оно таково» [2, с. 53].

В поэтических текстах Б. Пастернака и В. Брюсова наиболее широко эксплицированы метафорические модели (М–модели), манифестирующие тематическую группу «мир живой природы». Для поэзии рассматриваемых авторов характерна М–модель «страх – живое существо». Витальные признаки переданы в контекстах: *И страх фистулой зодосил от потуг* [3, с. 41]; *Ночью ужас беспричинный / В непонятной тэме разбудит; / Ночью ужас беспричинный / Кровь палаящую остудит* [4, с. 345].

Названная М–модель у поэтов раскрывается посредством М–моделей «страх – растение», «страх – птица», «страх – животное».

М–модель «страх – растение» отражает в поэзии Б. Пастернака вегетативные признаки через концептуальную метафору (К–метафору) *страх – злаки*: *Что делать страшной красоте / Присевшей на скамью сирени, / Когда и впрямь не красть детей? / Так возникают подозренья. / Так зреют страхи* [3, с. 105], а в поэзии В. Брюсова данные признаки реализованы в контексте: *Являясь вдруг, чтоб сеять всюду страх* [5, с. 248].

М–модель «страх – птица» у Б. Пастернака репрезентирует орнитологический признак 'крылья': *Ну, и надо же было, тужась, / Каркнуть и взлететь в хаос, / Чтоб сложить октябрьский ужас / Парой крыльев на киоск* [3, с. 112], а у В. Брюсова косвенно орнитологические признаки эксплицированы с помощью глаголов: а) трепет: *Но где в стране от севера до юга / Восторг безвестный обретет душа, / Безвестный трепет скорби и испуга* [4, с. 285], б) парить: *Что ужас длительной разлуки / Парит бессменно над душой* [5, с. 132].

Зооморфные признаки страха в поэзии Б. Пастернака представлены М–моделью «страх – животное»: *Это кружится октябрь, / Это жуть / Подобралась на когтях / К этажу* [3, с. 52].

В пастернаковских текстах М–модель «страх – живое существо» развивается в М–модель «страх – человек»: страх может быть жадным: *Я люблю в твоих стихах / Смутный сумрак, жадный страх* [4, с. 257].

Эмоциональные признаки страха переданы М–моделью «эмоциональные состояния – сущности в человеке». В поэзии Б. Пастернака *страх* связан с переживанием любви, с ощущением таинственности: *Любимая – жуть! Когда любит поэт, / Влюбляется бог неприкаянный* [3, с. 79], с состоянием тоски: *Зиял, иссякнув, страшный кладезь / Тоски отверстой, / Качались, ляская и гладясь / Иззябшей шерстью* [3, с. 48], а в поэзии В. Брюсова – с действиями: *Не так ли мы, в сем мире дольном / Иного мира ловим тень / И рвемся в ужасе невольном / Вступить на высшую ступень* [44, с. 262]. Данные признаки представлены К–метафорами: *страх – суровость: Но, может быть, суровость эта – страх, / Что кто-нибудь к признаньям приневолит* [5, с. 160], *ужас – любовь: – Дитя, скажи мне, что любовь? – Вот этот ужас мой без воли* [4, с. 281].

У Б. Пастернака и В. Брюсова представлена характерная для русской лингвокультуры «объективация страха через выражения глаз» [1, с. 22]: *Глухая пора листопада. / Последних гусей косяки. / Рассматриваться не надо: / У страха глаза велики* [3, с. 296]; «...» *в узких зрчках – голод, страх, вековая / корысть* [4, с. 191]. Кроме этого, в брюсовских контекстах *страх* локализуется: а) в лице: *О, как лицо твое бледно! / В нем страх и гнев! – Как мне завидно!* [4, с. 337], б) в руках: *Пусть там, в Европе, смяленье, / Всплески испуганных рук. / На кинематографической ленте / Векот – новый круг* [4, с. 55], г) в сердце: *Но сердце ужаса не минет* [5, с. 35].

Отмечены в поэзии В. Брюсова и другие признаки *страха*: а) перцептивные признаки: *Ужасным гласом возопил* [5, с. 76], б) социальные признаки: *Вам были любви – трагизм и гибель / Иль ужас нового потопа. / И вы гадали: в огне ль, на дыбе ль / Погибнет старая Европа?* [4, с. 53], в) трансцендентные признаки: *Тайну страшную храня* [5, с. 76], г) ментальные признаки: *Где ты, кто может ведать страх* [4, с. 48]; *Я никого не ненавижу / И – страшно мыслить – не люблю!* [4, с. 7], д) онтологические признаки *страха* переданы М–моделью «страх – сущность жизни»: *Все тот же ужас бытия* [5, с. 294], а также посредством К–метафоры *страх – судьба: Вещий ужас* [4, с. 61]. Оппозиционная К–метафора *судьба – отсутствие страха* свидетельствует о двойственности восприятия судьбы поэтом: *И нам был чужд пред долей страх, / Мы были рады мигам горя* [4, с. 356]; *Чтоб не страшила больше – и Судьба!* [4, с. 27].

В поэзии В. Брюсова *страх* имеет сакральные коннотации, отражающие его религиозные признаки: *В праведном ужасе будь тверд, не дрогни, не то / Стрела отравленная есть у ее сына* [4, с. 111]. Страшный суд у поэта ассоциируется с Божьим судом: *Не страшусь и пламенного ада, / С дьяволами в красных колпаках, / Смол огнекипящих и обряда / Страшного суда на облаках* [5, с. 133].

Выявлена в контекстах рассматриваемых авторов М–модели: «страх – действующая сила»: *На дне той клетки едим натром / Травится Терек, и*

руда / Орет пред всем амфитеатром / От боли, страха и стыда [3, с. 252]; *Лицо, в знак страха, склонено!* [4, с. 405], «страх – война»: у Б. Пастернака страх связан со смертью: *Ты в наше время ищурное / За совесть и за страх / Стоишь могильной урною, / Покоящей их прах* [3, с. 328], воспринимается как сильная тревога: *Не сможет позабыться страх, / Изборождавший лица. / Сторицей должен враг / За это поплатиться* [3, с. 303], а у В. Брюсова – с препятствием: *Стоящим гордо исполином: / Ты к светлым вел его годинам / Чрез войны, чрез тоску и страх* [5, с. 245], с несвободой: *Не так ли мы, в сем мире дольном / Иного мира ловим тень / И рвемся в ужасе невольном / Вступить на высшую ступень* [4, с. 262].

Коммуникативные признаки отражены посредством М–модели «страх – средство коммуникации». У Б. Пастернака данные признаки репрезентированы К–метафорой *страх – рассказ*: *Рассказали страшное, / Дали точный адрес. / Оттирают, спрашивают, / Движутся, как в театре* [3, с. 59], а у В. Брюсова К–метафорой *страх – весть*: *Азы громко стонут, внемля страшной весте* [5, с. 342].

Концепт «Страх» в поэзии Б. Пастернака связан с процессом творчества: *Таким я вижу облик ваш и взгляд. / Он мне здушен не тем столбом их соли, / Которым вы пять лет тому назад / Искус оглядки к рифме прикололи* [3, с. 123]. У В. Брюсова М–модель «страх – произведение искусства» манифестирована К–метафорой *ужас – сказка*: *Досказать начатую вчера / Сказку счастья, ужаса и крови!* [5, с. 190].

В поэзии В. Брюсова выявлена М–модель «страх – болезнь», эксплицированная К–метафорой *страх – страдание*, имеющей коннотацию слёзы: *Этот стих, этот вскрик – отзвук: выплакать / Страх, что враг камень в лоб загонит* [4, с. 137].

Вышеизложенное подтверждает значимость мира живой природы в метафорическом представлении концепта «Страх», в исследовании специфики мировоззрения и мировосприятия Б. Пастернака и В. Брюсова.

Литература

1. Кириллова, Н.В. Концептуализация эмоции страха в разноструктурных языках (на материале русского, английского и чувашского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Н.В. Кириллова ; Чувашский гос. ун-т. – Чебоксары, 2007. – 30 с.
2. Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка : попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // Избранные труды. – М. : Языки русской культуры, 1995. – Том 2. – С. 33–350.
3. Пастернак, Б.Л. Полное собрание поэзии и прозы в одном томе / Б.Л. Пастернак. – М. : «Издательство АЛЬФА – КНИГА», 2008. – 1279 с.
4. Брюсов, В. Собрание сочинений : в 7 т. / В. Брюсов. – П.Г. Антокольский [и др.]. – М. : «Худож. лит.», 1974. – Т. 3 : Стихотворения 1918–1924, стихотворения, не включенные В.Я. Брюсовым в сборники 1891–1924, поэма «Египетские ночи». – 696 с.
5. Брюсов, В. Собрание сочинений : в 7 т. / В. Брюсов. – П.Г. Антокольский [и др.]. – М. «Худож. лит.», 1973. – Т. 2 : Стихотворения 1909–1917. – 496 с.